

Григорий ШАЛАКИН

ТВЁРДЫЙ СПЛАВ (Зарисовки о Новокузнецке и его неординарных людях)

НЕПРОЧИТАННЫЙ ДНЕВНИК

История 400-летнего Новокузнецка развивается вокруг нехарактерных для Западно-Сибирской низменности гор – Вознесенской, Маяковой, Соколиной (она же Соколова, Соколуха) и Старцевой гривы. Я заметил, что практически каждый, кто погружается в атмосферу города, не в состоянии обойти их стороной. С упоминания этих вершин местного масштаба, как правило, начинаются рассказы старожилов и краеведов. Поэтому можно подумать, что здесь горный край. Однако небольшие предгорношорские возвышенности служат обязательной привязкой к местности, потому что обладают притягательной силой и манят всех, кто живёт в славном городо-труженике. Взобрался на сопку – и самый крупный промышленный центр Кузбасса будто на ладони. Одних заводских труб и линий электропередачи несметное количество. Тянутся к небу производственный дым и светленькие небоскрёбы последних лет, затерялись в зелёных зарослях дома – свидетели советской индустриализации и строительства Запсиба. Но всё ещё просматривается смолисто-маслянистая будто от рождения река Аба, а Конобенихи и Горбунихи (главной возмутительницы спокойствия в паводки в центре города вплоть до 1970-х годов) совсем не стало. Текут они по подземным бетонным лабиринтам.

С Вознесенской горы островком смотрятся чёрные реликтовые тополя, приютившиеся у её подножья и «повидавшие» всякое. И не за четыре столетия, а за тысячелетия. Как подтверждают раскопки местных археологов во главе с научным сотрудником музея-заповедника «Кузнецкая крепость» Юрием Викторовичем Шириным, здешние места, где Томь принимает в свои объятия Кондо-му, давным-давно привлекают человека.

На этих взгорьях, наверное, стояли и те, кто в 1618 году выбирал место для деревянного

острога. Тут повернёшься в сторону севера, коснёшься взглядом реки – и уйдёшь в глубь вре-мён. Представляешь, как по гребням волн мчатся чёлны, преодолевшие на большом пути от Томска встречные бурлящие перекааты и миновавшие пристани в местах нынешней Пачи и Писаницы. А где-то под тобой был причал, где разношёрстный люд загружал лодки пушниной. В каждой – одних соболиных шкур по несколько сотен. А ещё – шкурки лис, куниц, бобров. Другие плавсредства наполняли мешками с рожью, ячменём, пшеницей, овсом и мукой, свезёнными из ближайшей округи. В то время Томск мог принимать по воде из южной части Кузнецкого края сколько угодно груза, если опираться на сведения летописцев.

Через столетие, на рубеже XVIII века, у трёхтысячного населения Кузнецка хлопот не убавилось. На горе Вознесенской, у стен обновлённой в наше время Кузнецкой крепости, часто упоминают имя человека, которое на слух вовсе не сочетается с сибирскими фамилиями. Речь идёт о прибалтийском немце – Густаве Густавовиче фон Штрандмане. С 1789 года он более десяти лет был генерал-губернатором Сибирского края. До этого прошёл Польшу, Турцию и Азов, командовал Томским и Сибирскими полками, Сибирской дивизией. При нём император Павел I утвердил проект модернизации кузнецкого форпоста с системой оборонительных рвов и валов. Существуют его записки 1769–1800 годов, частично переведённые на русский язык с немецкого. Штрандман в своих описаниях не должен был обойти стороной Кузнецк. В исторических очерках говорится об арестантах и вольнонаёмных людях, строивших укрепления, а генеральское имя замалчивается. При нём-то уж точно говорилось об уральских пушках для крепости, которые всё ещё «живы». Однако сибирская часть дневника Штрандмана остаётся недоступной. В результате приходится ограничиваться знанием пары географические близких нам выдержек из бытописания генерал-губернатора.

«7-го апреля 1778 года, в первый день Пасхи, прислали в Ревель указ, что я назначен командиром Томского полка, на место умершего полковника Ильина, – пишет Штрандман, – поэтому я должен был ехать в Астрахань, представиться губернатору Якоби. Это назначение было мне очень неприятно».

«16-го декабря 1780 года благополучно прибыл в Петербург. На другой же день я был пред-

ставлен князю Потемкину; за меня ходатайствовал астраханский губернатор Якоби, который также был в это время в Петербурге, и 20-го декабря, согласно моему желанию, я был переведен из Томского полка в Сибирский. Давно мне перемена по службе не доставляла такого удовольствия».

И пока нам остаётся только догадываться о влиянии Штрэндмана на внутреннюю жизнь Кузнецка. Хотя ассоциативно на это наталкивает летопись купца третьей гильдии Ивана Семёновича Конюхова, в которой значится, что в 1800 году первым городничим Кузнецка был Пётр Иванович Морелла из немцев.

СПАСИБО ТОВАРИЦУ СЕРГО

Со Старцевой гривы просматривается Новокузнецк послереволюционного периода. Кузнецкстроевский городок, воспетый в стихах как будущий сад Владимиром Маяковским после разговора с Хреновым, начинался с шатров и землянок в конце 1920-х годов. После возведения барачных посёлков на Верхней и Нижней колониях в Сталинске на человека уже приходилось по два квадратных метра жилплощади. Шёл 1932 год. С того времени показатель непрерывно улучшался. И тут, полагаю, нужно отдать должное высокорослому (189 см) и широкоплечему Серго Орджоникидзе, первому комиссару тяжёлой промышленности СССР. Он чуть позже прибыл на Кузнецкстрой и в Соцгороде еле протискивался в комнаты многоквартирных домов, выходящих глухими торцевыми стенами на улицу. Товарищ Серго возмущался теснотой, придуманной иностранцами, потому что не хотел, чтобы на просторах Сибири люди жили в стеснённых условиях. Комиссар говорил, что будет бороться за изменение «физиономии» района и всего нашего края.

Благодаря Орджоникидзе поднялись дома, которые и по облику и по планировке соответствуют современным строениям и десятилетиями задают тон в архитектуре Центрального района города. До сих пор завидно выглядящий 112-квартирный дом на Кирова с холодным, горячим водоснабжением и ванными комнатами. А два коттеджа за драмтеатром – вообще шедевры. К тому же в те, теперь уже неблизкие, годы 20-й дом на проспекте Молотова (Металлургов) был оборудован всеми коммунальными удобствами, включая мусоропровод. С подачи наркома в город стали направлять выпускников вузов из разных городов страны. Он подчёркивал, что

КМК опережает мировую отрасль. Поэтому учиться быть первыми не у кого. Всё новое приходилось постигать самим кузнецкстроевцам.

Благое дело города – выпуск электронного собрания «400 лучших людей Новокузнецка». Оно восполнило моё любопытство относительно Андрея Севастьяновича Филиппова. Его знал как героя-землекопа, а конкретных данных о его деятельности не встречал. Оказывается, он родился в 1892 году в Кузнецке в семье золотискателя. До 1929 года работал на приисках и в шахтах Кузбасса. На Кузнецкстрое был рядовым землекопом, потом стал бригадиром. Американские инженеры прозвали его человеком-экскаватором. Филиппов лично за восьмичасовой рабочий день вынимал до 22 кубометров грунта и до 74 кубометров грунта засыпал туда, где требовалось. И это при нормах: копка грунта – 7,5 кубометра, обратная засыпка – 15 кубометров. Его лопата – 50 сантиметров в длину и 30 в ширину – входит в экспозицию музея Октябрьской революции в Москве. А. С. Филиппов одним из первых на стройке был награждён орденом – орденом Трудового Красного Знамени.

ИСТОРИЯ ЗАВОДА ПО «ГОРЯЧИМ» СЛЕДАМ

Кузнецкстроевцы отдавали делу много времени и умудрялись находить свободный час. Город поглощала страсть к чтению, изучению технической литературы, чему во многом способствовал главный инженер завода, впоследствии академик АН СССР Иван Павлович Бардин. Примерно в 1928 году по его настоянию была создана прекрасная библиотека. Денег на иностранную техническую литературу не жалели. Её свозили со всего света. Но так как пролетариат был не силён в иностранных языках, своё дело делали переводчики. И мировые новации становились доступными многим сибирякам-металлургам. Одного из них, полиглота Г. В. Седова, я знал. Он переводил с нескольких языков и был особо уважаем в коллективе, где в общей сложности работали 60 тысяч человек. Директор комбината и главный инженер здоровались с ним персонально. Он был постоянным участником семинаров патентоведов и совещаний по внедрению новой металлургической техники. Научно-техническая библиотека КМК стала крупнейшей в регионе. В 1962 году в ней было сосредоточено более одного миллиона экземпляров различной литературы, в 1980-х годах – в два с лишним раза больше.

А в 1931 году на площадке промышленного гиганта работали три книжных магазина и 24 киоска с литературой и периодикой. Библиотека с 16 филиалами имела 22 тысячи читателей. В бараках и красных уголках действовали четыре кинотеатра. Помимо них функционировали 15 кинопередвижек. В следующем году на КМК появилась, вдумайтесь только, редакция истории завода. В неё входили очень известный писатель Александр Альфредович Бек, детский писатель Николай Григорьевич Смирнов и 11-летний пасынок Бека, впоследствии известный поэт Леон Валентинович Тоом. Благодаря им были выпущены две книги о КМК.

Тогда же вышел первый номер многотиражной газеты «Металлург». В бытность моей работы в ней, в 1973–1975 годах, она выпускалась три раза в неделю на четырех полосах формата А3 тиражом 10 тысяч экземпляров.

И вот контраст – в 2005 году была создана книга «Радуга огня» со стихами новокузнецких поэтов, но она не увидела света. В этом же году ветеран Запсиба Иван Григорьевич Белый, многократно избиравшийся секретарём парткома предприятия, бился за издание книги по истории строительства Запсиба. Он сокрушался: у людей накопилось много книг. Они могли бы ими поделиться с библиотеками. Классика-то не устаревает. Но литературу не принимали даже на макулатуру. Могли взять лишь на растопку печей. Самому Ивану Григорьевичу пришлось складировать книги в гараже около своего дома, неподалёку от кинотеатра «Берёзка» в Заводском посёлке.

АВТОГРАФ МАКСИМА ГОРЬКОГО

С Новокузнецком 1960-х годов связаны и другие книжно-литературные коллизии. Опять, как и в случае с Кузнецкой крепостью, не обойтись без упоминания имени хорошо известного человека – председателя Союза советских писателей СССР Максима Горького. В Москве на Первом съезде писателей в августе 1934 года его доклад слушал мой преподаватель литературоведения в Новокузнецком пединституте Алексей Фёдорович Абрамович. Он воспитывался в санкт-петербургском приюте, с 15 лет трудился на текстильной фабрике в Костроме, в 17 – стал журналистом. В 1932 году в Сталинграде опубликовал сборник рассказов и повесть «Петербургский приют». Стал кандидатом в члены Союза писателей. На его кандидатской кар-

точке за № 247 стоит размашистая подпись Горького. Когда она поставлена? Либо до писательского съезда, либо во время съезда? Есть разные версии. Но для меня эти вопросы остаются открытыми, потому что невнимательно слушал рассказы Алексея Фёдоровича о великом пролетарском писателе.

На правой стороне кандидатской карточки можно видеть, что Абрамович заплатил членские взносы за 1933 год в размере 25 рублей. Скорее всего, при её предъявлении он получил мандат делегата Первого Всесоюзного съезда советских писателей СССР с правом совещательного голоса за № 484. Позже Абрамович окончил Саратовский пединститут и аспирантуру. В Кузбассе он известен также как литературный критик. Работая в новокузнецком вузе в 1960-х годах, уделял много внимания творчеству писателей и поэтов Кемеровской области. Его статьи регулярно публиковали журналы «Сибирские огни» и «Огни Кузбасса». Тогда же вышла книга очерков о литераторах Кузбасса «На своей земле». Всего же из-под пера Алексея Фёдоровича вышли более 70 научных работ и свыше 300 статей в периодике.

СИНЯЯ РЕЗОЛЮЦИЯ БЕРИИ

136

Остаются малоизученными отдельные страницы истории Новокузнецка, связанные с необоснованными политическими репрессиями, хотя реабилитация невинно осуждённых идёт с 1953 года. Неизвестно, по какой причине ушла в тень жизнь Тимофея Ивановича Шкляра, который в 1938–1939 годах был директором КМК, а потом арестован и осуждён на 10 лет. Мне довелось держать в руках, листать и читать его дело с резолюцией Лаврентия Павловича Берии. Это было в 1991 году, когда архивы вдруг распахнули двери. Я сосредотачивался на ответах директора на задаваемые вопросы. Отчётливо помню, никакой политической подоплёки в своих действиях он не видел и настойчиво доказывал это.

Что касается производства, то при нём на КМК действительно не всё ладилось. Были технологические срывы, аварии, нестыковки во взаимодействии сталеплавильного и прокатного переделов. Но при Шкляре заводчане сказали новое слово в мировой металлургии, создав прообраз машины непрерывного литья заготовок, которая была внедрена только в 1990-х годах во время директорства Героя Социалистического Труда Алексея Фёдоровича Кузнецова.

При Шкляре в Новокузнецке были построены или строились родильный дом, универмаг, жилой дом на улице Кирова, 18. То есть развивалась социальная сфера. Тем не менее последовал арест Шкляра. Ходили слухи, что отбыв срок, он жил в южных краях Советского Союза. Можно было поговорить с ним о КМК тех лет. Но к моменту знакомства с делом его уже не было в живых. Горестно. Горестно ещё и оттого, что в годы репрессий на КМК пострадала комсомольско-молодёжная смена рельсобалочного цеха. Молодёжь пошла отдыхать на станцию Водная и не вернулась. И об этом повествуют аналогичные тома, что и Шкляра, но без резолюции Бериин. Если она была сделана красным карандашом – расстрел неминуем, а если синим – тюрьма.

КОНТРАГЕНТЫ ИЗ СИБЛАГА

Огромный вклад КМК в разгром фашистов, хотя у завода были проблемы. Так, Великая Отечественная война привела к потерям кадрового состава и усугубила ситуацию, сложившуюся в связи с необоснованными политическими репрессиями. Один из путей решения кадровой проблемы малоизвестен. Доктор исторических наук Рашид Саитгареевич Бикметов из Кемерово, в частности, установил, что в начале войны на КМК ежедневно направляли до полутора тысяч заключённых. В это мало верится. И об этом, я убеждён, не знало большинство работавших на предприятии.

Иван Захарович Ермаков многие годы трудился в рельсобалочном цехе. В военное лихолетье после продолжительных смен ночевал с товарищами прямо в цехе, чтобы с утра вовремя заступить на вахту. За наше многолетнее общение он ни разу не обмолвился о работниках из числа заключённых. То же самое могу сказать об Емельяне Семёновиче Грищенко из первых кузнецкостроевцев, о Николае Ивановиче Носове, Ефиме Наумовиче Мостовском, Иване Платоновиче Чиркове, с кем плотно контактировал в 1960–1970-х годах.

А историкам доподлинно известно, что 8 сентября 1942 года директор завода Роман Васильевич Белан просил наркома внутренних дел выделить 650–700 физически здоровых людей из числа заключённых, которые требовались в спеццехах, на отдельных участках мартиновского производства и в железнодорожном хозяйстве. Просьбу удовлетворили частично, исключив из списка подразделений особорежимный

железнодорожный транспорт. В Новокузнецке заключённые также помогали строить жильё для работников алюминиевого завода.

Так называемые контрагентские работы Сиблага практиковались на Кузнецкстрое и в 1931 году. Максимальное количество заключённых выделяли в 1932–1933 годах – до 3 500 человек ежедневно. Подобные сведения долго оставались под грифом «Для служебного пользования», хотя ничего предосудительного нет в том, что оступившиеся в жизни мужчины вставляли на путь истинный на хороших предприятиях.

ПИСАТЕЛЬ РОДИЛСЯ НА БАЛКОНЕ

В 1960-х годах в Новокузнецке стартовала эпоха строительства Западно-Сибирского металлургического завода, который нынче лучше всего виден вовсе не с Маяковой горы, а с высотных зданий Новоильинского района или с 90-метровой отметки третьей доменной печи. Много внимания Запсибу уделяло тогдашнее чёрно-белое телевидение. Помню впечатляющие кадры, на которых грузовики преодолевают непролазную грязь, чтобы довезти до нужного места строительные материалы и оборудование. Как и многим новокузнецчанам, приходилось участвовать в запсибовских комсомольских субботниках. Но на них приезжавшим со стороны доверяли единственное – уборку мусора в возводимых монтажниками прокатных цехах. Какая-никакая, а польза от этого всё-таки была.

У молодёжи Новокузнецка были на слуху имена молодых литераторов из многотиражной газеты «Металлургстрой» Гария Немченко и Геннадия Емельянова. Строительство завода сопровождали герои их совместной книги рассказов «Когда друзья рядом». Потом Немченко порадовал романами «Здравствуй, Галочкин!» и «Пашка, моя милиция». А Емельянов – романом «Берег правый». Знакомая библиотекарьша с КМК Галина Антоновна жила на Антоновской площадке с мужем Иваном Александровичем Лебедевым – художником. По её рассказам, их семья соседствовала с Гарием Немченко. И другие соседи восхищались его усидчивостью и работоспособностью. Ведь, когда все ещё смотрели сладкие сны, начинающий писатель уже строил вирши, сидя на табуретке на узеньком балконе панельной пятиэтажки. А потом с утренней сменой металлургов на электричке ехал на завод, чтобы узнать новости и побыстрее донести их до читателей многотиражки.

СЕКРЕТ УСПЕХОВ – В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ

Записибовская аура завораживала всех, кто в неё хоть раз окунулся. На Антоновскую площадку стекалась молодёжь со всех концов Советского Союза. Уволенные со срочной службы солдаты приезжали целыми подразделениями, чтобы сначала посмотреть на ивановских невест, а уж потом подумать о трудоустройстве. Опытные специалисты в разных городах страны покидали насиженные места для того, чтобы практически сразу получить добротное жильё, не испытывать нужды в продовольственных и промышленных товарах, поскольку полки магазинов ломились от чёрной, красной икры и ширпотреба.

Иван Григорьевич Белый, будучи на пенсии, угощал меня дома украинскими щами, горилкой и делился соображениями о заводской жизни. Я запомнил: силу 30-тысячного коллектива Запсиба он видел в его многонациональности и разнородности по месту рождения металлургов. По его подсчётам, завод собрал представителей 46 национальностей. Среди них – русские и украинцы, узбеки и таджики, татары и башкиры, лезгинцы и мордвины.

Больше всего ему импонировал «маменькин сынок» из Москвы Игорь Ковалюнов. Он вместе с выпускниками новокузнецких школ трудился в теплосиловом цехе, который обеспечивал стройплощадку теплом и водой. Игорь оказался в Новокузнецке при странных обстоятельствах. После спора с товарищем на бутылку пива о том, что не боится Сибири. И спор выиграл. По словам Ивана Григорьевича, парень трудился самозабвенно, а потом вдруг решил вернуться на родину. Но там не выдержал разлуки с записибовской стихией. И опять рванул в Сибирь. Его бригада каменщиков была лучшей на Запсибе. Ветерана восхищал и другой москвич – Юрий Лейбензон, который в комнате, где жил, ставил кровать рядом с отопительной батареей. И если ночью она вдруг остывала, поднимался с постели и бежал принимать нужные меры.

Комсомольцы боготворили записибовский гимн, в котором есть такие слова: «Было первым из нас нелегко. Мы к палаткам привыкли не скоро. А теперь мы ушли далеко, за плечами оставили город». Так оно и есть. Особо впечатляет то, что в 1962 году заводские парни и девчата сыграли 700 свадеб. Торжества оформляли букетами из живых цветов, хотя проектировщики не предусмотрели строительства в посёлке

оранжерейно-парникового комплекса. Поэтому записибовцы стали выращивать цветы самостоятельно в отремонтированной теплице школы-интерната № 95. Цветами оформляли заводские улицы, создали зимние сады в Культурном центре и профилактории «Озёрный». А вокруг коксовых печей зацвёл яблоневый сад. В 1984 году Записибу доверили проведение Всесоюзной школы передового опыта по озеленению территорий промышленных предприятий, где изучали его опыт по созданию «зелёного щита».

ЗАВОД-БОГАТЫРЬ

Цехи и агрегаты на Запсибе воспринимались молодёжью, словно их дети. Строители одушевляли немые громадины, создавая романтику героических будней. Многие средства массовой информации обошла любопытная анкета: «Имя: Домна. Отчество: Записибовна. Фамилия: Комсомольская. Год рождения: 24 июля 1964 г. Место рождения: г. Новокузнецк, Антоновская площадка. Рост: гигантский – 76 метров. Вес: богатырский – 18 000 т. Аппетит отличный: суточный рацион – тысячи тонн руды, кокса, известняка. Пьёт воды почти столько, сколько весь Новокузнецк. Характер: покладистый. Родственники: сестра в Магнитогорске. Особые приметы: крупнейшая в мире».

В 1987 году и позже мне приходилось не единожды подниматься на 90-метровую отметку самой крупной на Запсибе доменной печи № 3. Этот маршрут с разрешения газовщиков и горновых проложил мой коллега по информационному агентству ТАСС фотокорреспондент Анатолий Николаевич Кузьярин. Девяносто метров – ещё не вся высота домны. По-моему, оттуда до вершины ещё не меньше 20 метров. Но и с этой точки открывается заводская панорама, где тепловозы, автомобили и люди на фоне домен и конвертерных цехов выглядят как лилипутики из мультфильмов. Сознательно упустил небольшую деталь: на верх домны мы поднимались на лифте. Если бы не было его, вряд ли смогли одолеть подъём по металлическим лестничным маршам.

Примерно в августе 1981 года пришлось подниматься на одну из отметок нового электростапельплавильного цеха КМК, строившегося прославленной бригадой монтажников Героя Соцтруда Василия Бранца. Коленки дрожали. Особенно при спуске с высоты. Но та высота не идёт в сравнение с записибовской. Так что обыкновенному человеку непросто оторваться от земли-матушки.

138

ДЕМОКРАТИЯ ПЛОЩАДЕЙ

В августе 1990 года в Новокузнецк приезжал Борис Николаевич Ельцин как председатель Верховного Совета РСФСР (в городе он был три раза, в том числе в 1993 году как первый президент Российской Федерации). Когда Ельцин прибыл на Запсиб, его спросили, не поедет ли он на лифте на 90-метровую верхотуру доменной печи. Он сказал: «Зачем лифт, поднимаемся наверх пешком по лестнице». Преодолели первые два пролета: это метров десять от земли. Он остановился на площадке из рифлёного металла. Рядом – сопровождающие, и я устроился поблизости.

Борис Николаевич протяжно произнёс: «Вот когда я работал в Свердловском обкоме партии, то был у меня друг-строитель из Кузбасса. Как же его?..» Свита молчит. Я говорю: «Наверное, Асташов». «Да, конечно же, Серафим», – отозвался Ельцин, потом многозначительно посмотрел и на меня, и на свиту. После этого он углубился в сравнение Урала с Кузбассом. И весь пыл подниматься на домну у гостей испарился.

Тот случай, когда я назвал имя строителя, помог в дальнейшей моей работе в качестве корреспондента ТАСС по Кемеровской области при освещении в СМИ деловых поездок Бориса Николаевича.

«СИГАРЫ» С ЖИДКИМ ЧУГУНОМ

Вернёмся к разговору о поэтизации металлургической отрасли. В 1968 году из конвертера в сталеразливочный ковш хлынула запсибовская сталь. Этот момент, по-моему, опозтизировал участник Отечественной войны, занимавшийся подготовкой рабочих кадров, поэт Глеб Холоденин: «Вот она, настоящая, пламенем озарённая, солнечная, бурлящая, нашим трудом рождённая».

А вот новокузнецким железнодорожникам было не до поэзии, когда мимо железнодорожного вокзала и пассажирских перронов проходили составы с жидким чугуном КМК для Запсиба. Этот единственный в мире способ кооперации двух предприятий впервые был опробован 19 марта 1975 года. Я, репортёр заводской многотиражки, пришёл в доменный цех КМК примерно в пять часов утра, потому что заранее узнал о предстоящей заливке чугуна в миксер на железнодорожном ходу. Было прохладно, но около домы холода не чувствовалось. Внешне обстановка обычная. Спокоен главный доменщик КМК

Николай Иванович Валов. Он поднялся на эстакаду. А мне хотелось увидеть, как на тепловозной тяге тронется первый миксеровоз, похожий на 30-метровую сигару двухметрового диаметра, кажется, с 200 тоннами раскалённого металла.

Люди на всех участках сработали чётко, необычный состав благополучно прибыл на Запсиб, чтобы «подкормить» конвертерные цехи. Эпопея продолжалась до 1990 года. Обошлось без происшествий, хотя, по большому счёту, для таких опасных перевозок нужны были специальные железнодорожные пути.

КЛАССНЫЙ МУЖИК

«При проведении миксерных составов чуть ли не через весь город нас кошмарило», – говорил Аман Гумирович Тулеев, вспоминая свою работу в Новокузнецком отделении Западно-Сибирской железной дороги. Впервые фамилию Тулеев услышал от друзей в 1978 году. Они говорили: «Появился в Новокузнецком отделении железной дороги классный мужик, хочешь по делу с ним переговорить, иди вечером, он на работе допоздна».

В один прекрасный момент так и вышло. Он не спросил, кто я такой и откуда взялся. Вероятно, кое-что уже знал обо мне от часто бывавшего у него фотографа Геннадия Олимпиевича Неведова. Может быть, видел в городской газете «Кузнецкий рабочий», выходявшей 120-тысячным тиражом, мою фамилию под материалами на производственную тематику, опубликовавшись, как говорили полиграфисты, «подвалами», на второй странице. А мы называли эти материалы «кирпичами».

При встрече Тулеев мигом погрузил в проблему: электрички из центра города на Западно-Сибирский металлургический комбинат пробиваются с трудом. Пути трещат по швам. Это опасно. Надо не только ремонтировать, но и модернизировать направление. Нужна кооперация с промышленниками. Как-никак ежедневно почти 30 тысяч металлургов пользуются электропоездами. На них они добираются до завода, а потом возвращаются домой.

Инициативы Тулеева поощрял начальник Новокузнецкого отделения Западно-Сибирской железной дороги Андрей Иванович Клепиков. Поезда из Кузбасса в сторону Транссиба шли тогда друг за другом через каждые 6–10 минут. Клепиков никому не мешал, быстро просматривал графики и переходил на следующий круг.

Он мог с юмором высказаться на «горячую» тему. А Тулеев людские неудобства воспринимал как боль души. И производственную неустроенность железнодорожников выхолащивал в меру своих возможностей, напористости и темперамента. Делать это было совсем непросто. Скажем, в стороне от путей смастерить будку из теса, где бы при низкой температуре могли перевести дух осмотрщики вагонов, мог только решительный человек. Первое, с чем он сталкивался, – с так называемыми фондируемыми материалами. К ним относились те самые обрезные доски. То есть он должен был загодя обосновать потребности в материалах, добиться утверждения их чуть ли не на уровне Госплана СССР. А нужны ведь ещё гвозди, молотки, ножовки.

Тулеев не мог ждать, когда бюрократическая карусель проделает путь до Москвы и обратно. На свой страх и риск одному ему известными способами находил то, другое и третье, направлял людей на строительство хозяйственным способом. С незатейливых будок начинали переустройство. Но рабочие быстро привыкали к хорошему. Аппетит, что называется, разгорался во время еды. Когда работники вагонной службы на станции Томусинская под прикрытием Тулеева и Клепикова возвели отапливаемые кирпичные производственные здания, радости не было предела. Появилась возможность поставить станки для ремонта инвентаря, а после работы умыться, переодеться.

ДИРЕКТОР-МОЛЧУН

На КМК мне импонировал Евгений Михайлович Салов. Директор комбината в 1965–1976 годах. Герой Социалистического Труда. Больше 10 лет руководил сложнейшим предприятием. За ним были 50 тысяч (иногда называлась цифра 60 тысяч) трудящихся на заводе и горных предприятиях Сибири. Днём и ночью беспрепятственно находились в раскалённом состоянии домы и мартеновские печи, нескончаемой рекой лился горячий металл, превращался в рельсы метро и железных дорог, в стальные опоры мостов и перекрытия цехов.

Сколько видел директора в цехах, на рабочих рапортах, сколько ни слушал его по селектору, ни разу не ощутил разговора на повышенных тонах. Трудные моменты он, наверное, пропускал через себя, сам больше переживал за происходящее, поэтому эмоций на других просто не оставалось. Так и запомнился мне он молчали-

вым, думающим, анализирующим ситуацию на заводе даже тогда, когда стоял на почётном месте на заводских и городских трибунах, воздвигаемых четыре раза в год, к красным датам календаря – 1 Мая и 7 Ноября, то же самое проделывалось 9 Мая и 1 сентября, то есть в День Победы и, по-теперешнему, в День знаний.

ПИСТОЛЕТ-ПУЛЕМЁТ ОТ ЧАЛКОВА

1975 год. Май. 30-летие Великой Победы. Познакомился, пожалуй, с самым популярным в то время человеком в городе. Им был Александр Яковлевич Чалков, с Алтая, в прошлом сталевар первого мартеновского цеха КМК, лауреат Сталинской премии за скоростную выплавку броневго металла. В Новокузнецке и Новосибирске провёл с ним и другими ветеранами несколько дней.

В 1943 году Александр Яковлевич передал 25 тысяч рублей в Фонд обороны и попросил изготовить для 22-й гвардейской дивизии сибиряков-добровольцев пистолеты-пулемёты Шпагина (позднее это оружие журналисты часто путали с автоматами Калашникова). Вскоре в дивизию передали 400 стволов, к прикладам которых была прикреплена табличка «Сибиряку от Чалкова». В дивизии Александру Яковлевичу присвоили звание «Почётный гвардеец» и вручили гвардейский знак.

Как он мне по секрету рассказал в 1975 году, госпремия стала для семьи сюрпризом, и частично он потратил её на шубку для жены. Хотелось сделать ей приятный подарок. А она подарила ему пятерых сыновей. И все они пошли работать на Кузнецкий комбинат. Один из сыновей жил в частном секторе. В его доме накануне 9 Мая собрались все братья с отцом. Посидели за столом.

ДУША НА АЛТАРЕ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В Новокузнецке на торжественных мероприятиях металлургов часто исполнялась песня о том, что в мире нет прекрасней красоты, чем красота горячего металла. Она восторженно принималась местной публикой. А её исполнителем – слесарь сортопрокатного цеха КМК Виктор Яркин и начальник доменного цеха Записиба Альберт Ленский срывали бурные аплодисменты. Ещё бы. Их дуэт выступал в Кремлёвском дворце съездов перед делегатами XXV съезда КПСС.

Альберт Иванович Ленский многое сделал для популяризации самодеятельного искусства. Выпускник Московского института стали и спла-

вов, работал начальником доменного цеха, был заведующим отделом промышленности Новокузнецкого горкома КПСС, одно время – заместителем губернатора Кемеровской области. Но своё душевное служение городу он положил на алтарь художественной самодеятельности.

Когда появился Дом творческих союзов, частенько видел Ленского там. Альберт Иванович не отличался снобизмом, но имел собственное суждение по той или иной проблеме, волнующей земляков. Он всегда откликался на просьбы, если они были в рамках его компетенции. От него нельзя было услышать довольно распространённое: «Зачем ты меня напрягаешь?»

К великому сожалению, в профессиональном, то есть металлургическом плане судьба устроила Ленскому суровое испытание. В 1979 году записовцы собирались произвести шесть миллионов тонн чугуна, восемь миллионов тонн стали и шесть миллионов тонн проката. Но суровая и снежная зима в конце года порушила их планы. Были сбои в поставках сырья, отказывало оборудование. И словно проклятой оказалась легендарная Домна Записовна. После ремонта засыпного аппарата вышел из строя холодильник, в горн попала вода. А в феврале 1980 года прогорела фурма, произошёл взрыв. Люди, насколько мне известно, не пострадали. И только в апреле после капитального ремонта домна вышла на обычный режим. Следом комиссия Министерства чёрной металлургии СССР произвела тщательный разбор «полётов» и освободила Ленского от должности начальника доменного цеха, которую он занимал три года.

ПОМОГЛИ ФОТОГРАФЫ

Трудно представить Новокузнецк без разливов рек и затоплений улиц. О периодичности наводнений мне неведомо. Они были в 1800, 1821, 1839, 1841, 1853, 1862 и многих других годах. Самому запомнился 1977 год, когда 10 мая уровень воды в Томи достиг 846 сантиметров. К таянию снега в тайге добавился ливень. И посёлок Водный оказался затопленным до крыш. Людей спасали на лодках и вывозили в ближайшую школу, на сухое место. Вода также пришла на улицы в левобережном районе и, если память не изменяет, на Форштадте в Кузнецком районе, где в прошлом Фёдор Достоевский прогуливался с женщиной души возвышенной Марией Исаевой.

Фотоклуб «Сибирь» зафиксировал то половодье. Удачные кадры сделал Владимир Ефи-

мовский. Первый секретарь горкома партии Николай Спиридонович Ермаков попросил членов клуба напечатать фотографии о бедствии. Они стали вещественными доказательствами в Москве. И центр оказал помощь городу.

Что касается Ермакова, которого А. Г. Тулеев называет в числе немногих своих учителей, то, по моему глубокому убеждению, его роль в развитии Новокузнецка пока ещё не в полной мере осознана обществом. Он принадлежит к тем руководителям, которые умели держать Новокузнецк в неослабевающем тонусе. Я не знаток всех его обязанностей. Но частично представляю, чем он занимался, потому что многие положительные подвиги происходили на моих глазах и на глазах моих сверстников.

Николай Спиридонович, обладая отменными хозяйственными навыками, практиковал по сути диковинную вещь – зимнее асфальтирование сибирских дорог. По-моему, тот участок на Кузнецкстроевском проспекте благополучно эксплуатируется и в наши дни. Он отправил в отставку Болотную площадку, Верхнюю и Нижнюю колонии. Пустил троллейбус. Открыл бульвар Героев. А продлив на эскизе улицу Кирова до четырёх километров и расширив ее до 130 метров, заложил современной микрорайон с удобными для жизни многоэтажками, нормальным социальным бытом и приступил к обустройству огромной территории, где когда-то рос сорняк выше человеческого роста, а теперь возвышаются красивые небоскрёбы.

При Ермакове во всеуслышание заявили о Новоильинском районе, новом Абашеве, совершили трудовой подвиг, передвинув на 100 метров Домну Записовну, чего не знали в Европе, а может быть, и в мире. При нём построили на Записибестане стан «450» и организовали регулярные перевозки жидкого чугуна с КМК на Записибестан. Ему низко кланяется местная интеллигенция, получившая Дом творческих союзов.

В те годы журнал «Блокнот агитатора», издававшийся Кемеровским обкомом КПСС, сообщал, что Новокузнецк ежедневно производит 27 тысяч тонн чугуна и 32 тысячи тонн проката. То есть в 50 с лишним раз больше, чем давала металл вся страна в 1920 году. Там же говорилось, что угольщики Орджоникидзевского района Новокузнецка передали в Фонд мира более 170 тысяч рублей.

Сейчас в России много говорится об импортозамещении. На Записибестане с аналогичной зада-

чей справились в 1975–1980 годах, когда из-за рубежа прекратились поставки запасных частей для металлургического оборудования.

Сам видел, руководители города отдыхали мало. Не было речи ни о зимних, ни о летних каникулах. В жарком июле 1975 года Николай Спиридонович вручал ордена и медали отличившимся доменщикам и сталеварам КМК. В начале января 1977 года проводил экономическую конференцию с участием директора Института экономики Сибирского отделения АН СССР Абе-ла Гезевича Аганбеяна.

Тогда, как любитель фотодела, делал для себя кадры с общественных мероприятий. И не только. Однажды в курилке Театра металлургов КМК сфотографировал Ермакова с папиросой, хотя и до этого, и после этого думал, что он не курящий.

При Ермакове в Новокузнецке гастролировал лучший джазовый оркестр Японии «Шарс энд Флэтс» Нобуа Хаара, приезжал ансамбль народного танца СССР Игоря Моисеева, новокузнецкие слушали песни Льва Лещенко и Аллы Пугачёвой, выступал вокально-инструментальный ансамбль Павла Слободкина «Весёлые ребята», чьи пластинки выходили 15-миллионными тиражами. Всем знакома их песня «Люди встречаются». Музыканты были на самом деле весёлыми. Перед концертом в Театре металлургов чекалдыкнули по стаканчику отменного коньячка и провели два отделения на одном дыхании.

В ермаковский период на встречи с трудовыми коллективами в Управление железнодорожного транспорта, мартеновский и рельсобалочный цехи КМК приходили иллюзионист Игорь Кио и актёр Театра на Таганке Владимир Высоцкий, лучшие цирковые артисты Польши, кузбасские поэты Виктор Баянов и Сергей Донбай, Валерий Зубарев и Эдуард Гольцман. Тогда же практиковались выезды художников Кузбасса на промышленные предприятия, а созданные ими картины оставались в фонде музея изобразительных искусств. При полных залах шли гастроли Кемеровского драматического театра имени Луначарского. Это создавало соответствующую эмоциональную атмосферу для актёров. Поэтому нельзя забыть, с какой самоотдачей исполняли свои роли Галина Кузнецова, Виктор Боборыкин, Евгений Шокин.

Пока вспоминаю о них, об их творческих встречах с новокузнецкими, просматриваю в интернете сайт об актёрах, режиссёрах Кемеров-

ского драматического театра имени Луначарского. А на его страницах вижу пустые квадратики вместо хотя бы чёрно-белых фотографий Боборыкина и Шокина, игравшего в то время да и в последующие годы выше всяких похвал. Образно говоря, в своих ролях, и этому я был свидетелем, он ходил по стенам и потолку точно так же, как мы – по земле. А у Боборыкина была своя слава. Поэтому на него ходили в театр. Неужели этого никто не помнит? Что же с памятью нашей стало?

ФОТОКЛУБ «СИБИРЬ» ПРИ «КУЗНЕЦКОМ РАБОЧЕМ»

Опять-таки при Ермакове пришло доверие к фотоклубу «Сибирь», который я называю фотографической меккой Кузбасса. Оно пришло в 1978 году после организации в Новокузнецке крупнейшей выставки «Человек и природа». Меня в клуб привёл Юрий Романов. Всё началось с рассылки объявлений о предстоящем вернисаже. Тема оказалась актуальной. Фотограф «Кузнецкого рабочего» Александр Фёдорович Санаров не успевал приносить с почтамта пакеты с фотокарточками.

Мне удалось договориться в парткоме КМК о выделении актового зала одного из ЖЭКов в центре города для монтажа выставки. Там закипела работа. Готовили рамки, паспарту, стёкла. Подписывали работы. Собирали материал для каталога. Юрий Романов придумал эмблему выставки, которая вошла в мировую классику дизайна. Должен подчеркнуть, что всё делалось только на общественных началах.

В выставке приняли участие известные фотографы из Москвы, союзных республик, многих краёв и областей Российской Федерации. Лиستاю каталог выставки, на одной из его страниц указаны города, откуда представлены фотографии: Кемерово, Москва, Вильнюс, Ульяновск, Могилёв, Ленинград, Пермь, Омск, Чита, Орёл, Тельшай, Каунас. Всего 50 городов, 400 работ, 137 авторов. Выставку посмотрели более 20 тысяч новокузнецких и гостей города. Призы для победителей подготовили мебельная фабрика, цементный и алюминиевый заводы, КМК, Художественный фонд РСФСР.

Фотоклуб «Сибирь» за годы существования провел более 150 выставок. Работы местных фотографов с успехом демонстрировались в Москве, Монино, Запорожье, Норильске, Челябинске, Томске, Новосибирске, Днепропетровске, других городах Российской Федерации и СССР, а также

в Болгарии, Германии, Венгрии, США и на Кубе. Авторы фотографий неоднократно становились победителями и призёрами престижных международных и республиканских вернисажей. Своёобразие и почерк новокузнецкой фотошколы нельзя с кем-то и с чем-то спутать, да и не с кем сопоставить, так как школа лишена комплекса подражательности и угодничества.

В число увлечённых фотографов Новокузнецка входил генеральный директор компании «Юж-кузбассуголь» Владимир Лаврик. Очень грустно от того, что тысячи его интересных кадров, сделанных в том числе в зарубежных поездках, после его трагической гибели 13 сентября 2006 года так и не представлены землякам.

НОВОКУЗНЕЦАНЕ С ФОТОГРАФИЙ ПОСМОТРЕЛИ НА ВЕНЕЦИЮ

Особняком стоит имя новокузнецкого фотомастера Николая Бахарева, который не подвержен клубным традициям. Он детдомовец с четырёх лет, работал слесарем на КМК, фотографом в службе быта. Стал звездой мировой величины. Среднеформатный дальномерный «Искра-2» с мехами и чёрно-белой плёнкой – любимый фотоаппарат Николая Сергеевича. С ним он бродил по любимым местам. Особое место среди них занимала станция Водная, собиравшая по выходным дням тысячи новокузнецчан, желающих провести время в местах первоначально поставленного Кузнецкого острога, искупаться в Кондоме, позагорать, поиграть в волейбол, покататься на водных мотоциклах, катамаранах и лодках, рассчитанных на одного или двух гребцов. Любили сниматься у Бахарева девушки, проживавшие в 11-этажном общежитии около драматического театра имени Серго Орджоникидзе.

Николай Сергеевич показывал жизнь такой, какая она есть, концентрируя в кадре разнообразный антураж, начиная от кроватей с панцирными сетками и заканчивая картинками из цветных советских журналов на стенах, стеклянной тарой на столе или уже опустошённой и стоящей в стороне. Особого уважения заслуживает его умение побуждать людей вести себя перед объективом как в обыденной жизни. Но главное на его фотографиях – лица, рассказывающие обо всём, что есть у человека за душой. Поэтому Бахарева хорошо знают в фотографическом мире.

В 2014 году его творчество Россия представила в самой Венеции, хотя кандидатов на персональную выставку было предостаточно. Николай Бахарев – участник множества междуна-

рных и российских выставок. Его работы находят-ся в музейных и частных коллекциях.

Фортуна повернулась ко мне лицом, когда в 1988 году самобытный фотограф показал основную архив – более одной тысячи чёрно-белых отпечатков. Тогда Николай пригласил нас с фотокорреспондентом АПН Дмитрием Коробейниковым к себе в квартиру в доме № 78 на улице Кирова. Там мы провели несколько часов. Вероятно, немного таких людей, которых Бахарев допустил к своему архиву. Что сказать? У него своя манера, свой почерк. Второго Бахарева нет в плане съёмки в местах массового отдыха и в рабочих общежитиях. Николай рассказывал, что заработок его был от печати фотографий тем, кого он запечатлевал. И он старался делать героев красивыми в их понимании. Во время печати с помощью фотоувеличителя, например, делал стройными ноги девчат. А снимки без прикрас Бахарев показывал на фотовыставках.

Здорово, что Николай пробился в число мировых лидеров в своём жанре. С ним я виделся в последнее время несколько раз. Сделал десятка два снимков, где он присутствует. На одном из них получился стилизованный портрет Бахарева, который, как мне представляется, передаёт его непосредственность и творческую сущность.

Разнообразие фотошкол Новокузнецка дополняет группа «Трива», которая вроде бы составляла головную боль секретариату горкома партии. Но в эти детали я не посвящён. И говорю об этом исключительно для того, чтобы подтвердить наличие плюрализма, который реально существовал в новокузнецкой творческой среде.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ХРАМ И ЗНАМЕНИЕ

В жизни людей белые полосы чередовались с чёрными. Но духовный подъём брал своё. В начале 2000-х годов познакомился с протоиереем Александром (Пивоваровым), настоятелем Спасо-Преображенского собора, стоящего перед Кузнецкой крепостью. Храм к тому времени уже принял нынешние очертания после жесточайшей разрухи, говорить о которой даже язык не поворачивается. Настолько всё было мрачно, когда в 1984 году я решил запечатлеть останки храма на фотоплёнке для истории.

Но всё кардинально изменилось. Батюшка показал трещину, оставшуюся на одной из стен после того, как в советский период пытались стереть строение с лица земли, для чего внутри разводили костры, а потом поливали стены холодной водой. Но они выдержали истязания. Единствен-

ная трещина стала достоянием храма и демонстрацией его непоколебимости, как и всей веры.

Тогда же отец Александр сообщил, что пришло знамение, содержащее цветовую гамму храма. Ту, которая присутствует сейчас. Разговор продолжился в строительном вагончике. Настоятель оставался на площадке, потому что впереди у него было ещё много неотложных хозяйственных дел. За столиком в плацкартном отсеке батюшка откупорил «Кагор» и провозгласил тост за неуёмные труды во славу Господа.

ДЖАЗОВЫЙ МАЭСТРО

Джаз-клуб «Геликон» знаю давно. Не раз присутствовал на репетициях музыкантов в Доме творческих союзов и фотографировал это действо ещё на чёрно-белую плёнку. А в 2004 году случай свёл с его руководителем Анатолием Михайловичем Берестовым, только что издавшим в Новосибирске свою 447-страничную книгу «Романтики джаза», с фотографиями, сделанными моими друзьями-фотографами, в том числе Николаем Бахаревым. Автор написал на книге: «Григорию Шалакину на память. Анатолий Берестов». А затем сыграл увертюру на пианино-карлике. В ответ на этот шаг заслуженного артиста России, почётного работника культуры Кузбасса, руководителя Губернаторского коллектива джаз-клуба «Геликон» я написал заметку, которая, как мне представляется, даёт некоторое представление о музыкальных пристрастиях горожан.

Новокузнецк. 17 июля 2005 года. Миниатюрным пианино времён Великой Отечественной войны пополнился новокузнецкий музей джаза. В этом музее находится единственное в России собрание экспонатов, имеющих непосредственное отношение к становлению джазовой культуры в нашей стране, а также конкретно в Кузбассе и Новокузнецке. Пока доподлинно неизвестно, каким чудом оказался в далёкой Сибири и сохранил прекрасное звучание инструмент ленинградской фабрики «Красный Октябрь». Такие маленькие пианино выпускали там по заказу фронтowych концертных бригад. Эта редкостная находка таит в себе большой нравственный заряд, считает организатор, хранитель необычного музея и руководитель губернаторского новокузнецкого джаз-клуба «Геликон» Анатолий Берестов.

Мини-пианино, звучащее на фронте, зримо связывает военные времена с напряжёнными кузбасскими буднями в тылу, когда шахтёры самоотверженно рубили уголь под землёй,

а металлурги варили броневую сталь в больших мартеновских печах, что у специалистов до сих пор считается пределом мастерства. Прекрасно и другое: инструмент не станет простаивать в музее, а будет появляться на сцене джаз-клуба на радость тем, кто одолел фашизм. О музее можно рассказывать бесконечно много. Здесь, например, хранятся афиши джазовых мероприятий, проходивших с 1938 года в разных городах Советского Союза.

Много загадочного хранят старые фотографии, рассказывающие о рождении джазовых традиций в Новокузнецке. Ведь считалось, что эта музыка в наших краях была под большим запретом. Но, тем не менее, примерно 70 лет назад в единственном тогда звуковом кинотеатре города под пролетарским названием «Коммунар» перед показом фильмов всё-таки играл не просто оркестр, а джаз-оркестр. И состоял он из высокообразованных музыкантов – выпускников московской и ленинградской консерваторий, а его солистами были артисты столичных, харьковских и львовских театров. Почётное место в экспозиции отведено саксофону Игоря Бутмана. Всемирно известный музыкант, лауреат Государственной премии России неоднократно давал концерты в Новокузнецке и участвовал в ежегодных традиционных фестивалях, признанных элитой американской культуры, – «Джаз у старой крепости».

Экспонаты музея разнообразны. Своеобразно, в частности, отражают музыкальную тему рисунки на галстуке именитого контрабасиста Виктора Двоскина. Есть в музее вещи, так или иначе связанные с московским биг-бэндом Георгия Гараняна, армянским оркестром Дживана Гаспаряна, квартетом Анатолия Кролла, пианистом Даниилом Крамером.

Новокузнецкие истории с питерским мэтром Давидом Голощёкиным и незаурядным барабанщиком Чарли Персином из США тоже найдём в музейных залах. А сколько любопытных материалов хранит подшивка самиздатовского джазового журнала «Геликон», выходившего во время советской перестройки. Да и сама подготовка, раскрутка журнала среди прогрессивной музыкальной общественности сегодня выглядит, будто детективная история.

По опросу общественного мнения жителей города в 1998 году, Анатолий Берестов был назван «Человеком года» в области культуры и искусства.

г. Кемерово